ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 11 | 2026. Volume 19. Issue 11
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Миф об Азербайджане в русской лирике начала XX века

Алексеева А. А.

Аннотация. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить особенности воплощения образа «чужого» государства в поэзии Серебряного века на азербайджанскую тематику (на материале стихотворений В. Брюсова, Вяч. Иванова, С. Есенина, С. Городецкого, В. Маяковского, В. Мануйлова, Д. Бродского). Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот понятия азербайджанского локального текста, существующего и функционирующего в общей концепции кавказского текста русской литературы Серебряного века. В результате автором отражаются причины отсутствия в отечественном литературоведении термина «азербайджанский текст» (в отличие от армянского и грузинского), которые в своей совокупности составляют «кавказский сверхтекст» русского литературного процесса. На основе анализа мотивно-образной системы рассматриваемых стихотворений автором работы определяются факты, говорящие о формировании индивидуально-авторских мифов об Азербайджане в творчестве поэтов начала XX века, сформировавшихся под влиянием эстетики авторов и автобиографических факторов, а также приводятся точки пересечения в восприятии ими азербайджанской нации и культуры. А это в свою очередь свидетельствует о существовании и развитии в поэзии Серебряного века локального азербайджанского текста.

EN

The myth of Azerbaijan in Russian lyric poetry of the early 20th century

A. A. Alekseeva

Abstract. The aim of this study is to identify the distinctive features of the representation of the image of a “foreign” state in Silver Age poetry on Azerbaijani themes, based on poems by V. Bryusov, Vyach. Ivanov, S. Yesenin, S. Gorodetsky, V. Mayakovsky, V. Manuilov, and D. Brodsky. The scientific novelty of the research lies in introducing into scholarly circulation the concept of the Azerbaijani local text, which exists and functions within the broader framework of the Caucasian text of Russian Silver Age literature. As a result, the author identifies the reasons for the absence in Russian literary criticism of the term “Azerbaijani text” (unlike the Armenian and Georgian ones), which together constitute the “Caucasian supertext” of the Russian literary process. Based on an analysis of the motif-and-image system of the poems under consideration, the author identifies evidence of the formation of individual authorial myths about Azerbaijan in the work of early twentieth-century poets, shaped by the poets’ aesthetics and autobiographical factors. The study also identifies points of convergence in their perceptions of the Azerbaijani nation and culture. This, in turn, indicates the existence and development of a local Azerbaijani text in Silver Age poetry.

Введение

Современный этап развития отечественного литературоведения демонстрирует неподдельный интерес к вопросам имагологии. Она является отдельной дисциплиной (по другой точке зрения, отраслью компаративистики (Трыков, 2015, с. 120)), развивающейся в русле филологического учения. Имагология занимается вопросами отражения национальных детерминант в творчестве поэтов и прозаиков, стремящихся воссоздать в своих произведениях образ иного государства, национального духа, особенностей культуры и быта. Пристальное внимание к вопросам подобного рода актуализировалось в том числе и в связи с повышением заинтересованности мирового сообщества в диалоге культур и межкультурной коммуникации, в контексте бытования этностереотипов, накладывающих определённый отпечаток на формирование межэтнического взаимодействия. В связи с этим исследование представляется актуальным, так как оно призвано выявить особенности воплощения образа «чужого» государства в поэзии Серебряного века, а следовательно, и затронуть аспекты диалога культур, установить характерные черты претворения инокультурных реалий в художественном слове через преломление своей этнической культуры в зеркале чужого культурного пространства.

В работе решается следующий ряд задач:

1) выявить причины отсутствия в отечественном литературоведении термина «азербайджанский текст» в русском литературном процессе;

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260537

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

2) очертить круг универсальных представлений об Азербайджане в лирических произведениях авторов Серебряного века;

3) определить перечень индивидуально-авторских мифотворческих доминант в воплощении образа Азербайджана в произведениях русских поэтов рубежа веков.

Материалом исследования выступили стихотворения В. Брюсова, Вяч. Иванова, С. Есенина, С. Городецкого, В. Маяковского, В. Мануйлова, Д. Бродского, созданные в период с 1916 по 1927 гг., в которых художественно репрезентируется кавказская тематика, а в частности функционируют образы Азербайджана и его столицы – города Баку.

Теоретической базой работы выступили научные исследования, касающиеся вопросов функционирования локальных текстов в произведениях русской литературы (Карасик, 2022; Кшондзер, 2019; Павлова, Романова, 2023; Потапова, 2020). Также были учтены научные изыскания, в которых предпринята попытка обосновать существование и функционирование в русской поэзии азербайджанского (в частности, бакинского) текста. Здесь центральными оказываются труды доктора филологических наук, профессора Бакинского университета Р. Г. Багирова (2009; 2012), статьи Н. Н. Алиева (2023), Н. Е. Тропкиной, Н. Е. Пономарёвой (2025), С. А. Керимовой (2012).

Исследование базируется на применении таких методов, как типологический, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, позволяющих произвести сравнительный анализ стихотворных текстов авторов Серебряного века с целью установления универсалий в представлении кавказского пространства и выявления индивидуально-авторских механизмов мифотворчества об Азербайджане. Кроме того, при работе над анализом поэтических текстов использовались культурологический подход (для репрезентации культурных реалий сквозь призму художественного слова), а также элементы имагологического и имагопоэтологического похода к изучению лирических произведений с целью выявления особенностей репрезентации категории «свой/чужой» в творчестве указанных авторов на кавказскую тематику.

Теоретическая значимость работы заключается в предпринятой автором попытке доказать существование азербайджанского текста в русском литературном процессе Серебряного века, который функционирует как элемент целостного кавказского сверхтекста, воплощаемого в творчестве русских поэтов и писателей.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут оказаться востребованными в практике преподавания русской литературы в школьной и вузовской системах образования, а также специалистами в области компаративистики, межкультурной коммуникации, имагологии и имагопоэтики. Кроме того, предлагаемый материал представляется возможным расширить за счёт укрупнения материалов для анализа и расширения методологической базы исследования.

Обсуждение и результаты

Азербайджанская тематика не нашла широкого отражения в лирике поэтов Серебряного века по нескольким причинам, центральной из которых являются этноконфессиональные факторы. В отличие от Армении и Грузии, где большинство населения исповедует христианство, азербайджанцы по большей части являются мусульманами. Кроме того, в русской литературе не было создано корневого произведения, где в ткани текста функционирует мотивно-образная система, основанная на образе Азербайджана, что впоследствии могло бы стать устойчивым пространством, способствующим дальнейшей разработке азербайджанской тематики, и стержнем, куда бы примыкали иные авторские концепции мифов об этом этнокультурном феномене. Данное положение приводит и к выводу о том, что исторически и культурно обусловленное отсутствие художественного фокуса поэтов и писателей на азербайджанской тематике привело к несформированности архетипа-– в отличие от образов Грузии и Армении (Павлова, Романова, 2023; Потапова, 2020), которые в большинстве произведений ассоциировались у лирических героев с экзотическим пространством (Кшондзер, 2019, с. 256) и пространством трагизма (Карасик, 2022, с. 156) соответственно. А именно устойчивый архетип выступает паттерном порождения мифа: изначально индивидуально-авторского, а затем (в процессе рефлексии других художников слова) и общего, находящего воплощение в целом корпусе произведений.

Литературно-творческие взаимосвязи Азербайджана и России в большей степени воплощаются в переводческой деятельности и в научной работе востоковедов (Алиев, 2023, с. 104-105; Багиров, 2012, с. 236). Тогда как рассматриваемая территория в роли объекта художественной рецепции представляла собой лишь часть (судя по числу созданных текстов –незначительную) «общего евразийского контекста», который вызывал интерес у поэтов и прозаиков рубежа веков в русле их заинтересованности в мистической притягательности Востока в целом (Керимова, 2012, с. 148).

Однако, несмотря на столь неустойчивое внимание к теме Азербайджана, к его традициям и национальной культуре, поэты Серебряного века фиксируют в своих поэтических текстах попытки постижения и этого направления общей кавказской тематики, концентрируясь в большей степени на изображении столицы страны – Баку, «города на стыке этносов, культур, цивилизаций, на стыке Востока и Запада» (Тропкина, Пономарева, 2025), которую они посещали в связи с различными обстоятельствами. В рамках настоящей статьи обратимся к лирическим произведениям поэтов начала XX века, созданных в период 1916-1927 гг., где нашла своё отражение азербайджанская тематика.

Баку в произведениях избранных для анализа авторов представлен как город контрастов. С одной стороны, в силу доминирующего на той территории промысла – нефтедобычи, в стихотворениях поэтов начала XX столица Азербайджана предстаёт в качестве большого промышленного города, что, по словам лирического героя В. Маяковского, представляет собой «жирное пятно в пиджаке мира» (1957, с. 57). С другой стороны, Баку

мыслится лирическими субъектами как город, представляющий собой олицетворение истинно восточной атмосферы, которая воссоздается в произведениях благодаря широкому использованию лексики, отражающей органолептическое восприятие (цвет, запах, звук), а также лексики, описывающей реальные памятники природы, архитектуры и истории Баку и всего Азербайджана. Думается, что главным символом страны, которую стремились запечатлеть в своей поэзии авторы, становится Каспий. Его образ встречается сразу в нескольких избранных нами для анализа стихотворениях. В частности, наиболее ярко образ Каспийского моря раскрывается в произведении В. Брюсова «Баку» (1916). Автор посвящает образу Каспия весь поэтический текст, стремясь раскрыть данный образ с позиций олицетворения. Лирический герой Брюсова представляет море как старика, который многое повидал на своём веку и помнит, как прежде выглядели омываемые им земли. Современность же вызывает в нём лишь желание по-стариковски ворчать: «Холодно Каспию, старый ворчит: // Длится зима утомительно долго. // Норд, налетев, его волны рябит; // Льдом его колет любовница-Волга!» («Баку», 1917) (Брюсов, 1973, с. 238). Лирический герой передаёт негодование Каспия и его тоску по прежним своим берегам, когда он сливался с Чёрным морем, а Азовского моря вовсе не существовало. И это негодование мастерски передано автором через множественные олицетворяющие метафоры (кинет волны, ударит с размаху, старый ворчит, хмурится Каспий, бьёт в берег с разбега), которые метко характеризуют настроение старика-Каспия. Нарастание его гнева передаётся в конце произведения градационным рядом олицетворений: «Всё ненавистно теперь старику: // Всё б затопить, истребить, обесславить, – // Нивы, селенья и этот Баку, // Что его прежние глуби буравит» (Брюсов, 1973, с. 240). В процитированном отрывке большое значение для понимания целостного смысла произведения имеют последние строки, где перед реципиентом возникает образ Баку как «жирного пятна в пиджаке мира» (Маяковский, 1957, с. 57). И, действительно, нефтедобывающая индустрия внедряется в естественный ход бытования природы, используя территории (в том числе и акватории) для реализации задач индустрии. Та же мысль реализуется в метафоре «стальные скорлупы», которая образно обозначает нефтяные танкеры и корабли, курсирующие по Каспию. Здесь следует сказать о том, что свои произведения В. Брюсов написал под впечатлением о поездках в Баку, где поэт познакомился с городом как с крупным нефтедобывающим краем и портом. Данный фактор неизбежно повлиял на то, что в его стихотворениях Азербайджан представляет собой своеобразную смесь богатства природы и персидского таинственного пространства, выступающего символом исконных корней и традиционного уклада жизни, а также тотальной индустриализации, олицетворяющей современность. Стремительный «поворот» Баку в сторону технологического прогресса как будто вплетается во вдохновенные грёзы символиста о загадочной персидской земле, расширяя и углубляя таким образом ориентальную лирику поэта. Опираясь на свой прошлый творческий опыт основоположника русского символизма, В. Брюсов через природную символику передаёт своё личное негодование по поводу того, что технологический прогресс отодвигает на второй план первобытную гармонию воспеваемого им кавказского пространства, неизменно подталкивающего героя лирического повествования к философским размышлениям о Персии.

Образ Каспийского моря встречается также в стихотворении Д. Бродского «Баку» (1927). Но в данном произведении лирический субъект не упоминает о ворчливом нраве Каспийского моря. Скорее, наоборот, в нём Каспий демонстрирует предельную омертвелость: его воды напоминают лирическому герою заводь пруда, не имеющего течения: «Каспийские воды, что заводь пруда – // Вдоль серых песков не увидишь прибоя. // Тяжёлым рассолом застыла вода, // И соль нарастает над мёртвой водою. <…> Под тёплою гнилью, в бреду малярийном // Толкутся и тонко поют комары» (Бродский, «Баку», 1927). Однако отметим, что образ омертвевшей воды Каспийского моря в стихотворении становится отправной точкой для создания контраста: мёртвого бесшумного пространства и оживлённой атмосферы, которую призван проиллюстрировать традиционный восточный базар. Атмосфера базара передана поэтом при помощи лексики, отражающей органолептическое восприятие действительности, которая рисует шумное, яркое, наполненное запахами место, где издревле прославившая кавказские народы торговля различными товарами представлена во всем своем многообразии: «<…> Но гулко, пчелиным испуганным роем, // Грохочет базарный кипящий прибой. // Там – красок и запахов пышная пестрядь, // Там – фруктов и тканей восточный разгул» (Бродский, «Баку», 1927).

Здесь контраст также передаётся автором стихотворения за счёт двойного упоминания параллельного образа прибоя, который в начале произведения при воплощении образа Каспия был неуловим для взгляда лирического героя («Вдоль серых песков не увидишь прибоя»). Теперь же при иллюстрировании атмосферы, наполненной движением и азартом, лирический субъект отмечает, что базар напоминает ему «кипящий прибой». Впоследствии читатель узнаёт, что лирический герой перемещается по стране, и стихотворение вновь обретает тягучую и более медлительную интонацию, когда возникает образ местности, где занимаются нефтедобычей. Замедление темпоритма повествования передаётся автором посредством использования глаголов «тянется», «лежали», причастия «ползущую» и прилагательного «тяжеловесную» (как эпитеты к образу нефти) и т. п. В конце произведения Д. Бродский как будто подводит итог созданному в стихотворении контрасту, где образ города обретает характер «кипящего» («И город кипящий зелёною кровью» (Бродский), т. е. деятельностного, живого, находящегося в движении. В то же время места, где ведётся активный нефтяной промысел, лишены жизни, поскольку нефтедобыча истощает природные богатства, опутывая землю километрами труб и превращая ее в «гниющие низины».

Схожие представления о Баку как о центре нефтяной промышленности, имеет лирический герой В. Маяковского, который называет город в одноимённом стихотворении «резервуаром грязей» (вероятно, грязь – это метафора нефти, мотивированная цветом природного ископаемого). Лирический субъект отрыто заявляет о своём стремлении проявить интерес к Баку, полюбить и понять его, о чём свидетельствуют следующие строки:

«<…> но к тебе / я тянусь / любовью / более – // чем притягивает дервиша Тибет, // Мекка – правоверного, / Иерусалим – / христиан / на богомолье» («Баку», 1923) (Маяковский, 1957, с. 57).

Кроме характера большого промышленного города, куда «никто не селится для веселья», в данном стихотворении передаётся и атмосфера Баку как города с особым нравом. В произведении Маяковского присутствует образ ветра («Баку. / Город ветра. / Песок плюёт в глаза» (Маяковский, 1957, с. 57)), неоднократно упоминаемый и в стихотворениях других авторов. В частности, ветер как климатическая особенность территории Азербайджана вплетается в образную систему стихотворения В. Брюсова «В Баку» (1916) («Сплетается ветер с январским теплом» (1973, с. 243)), «Баку» (1917) («Тщетно! вновь с севера ветер возник» (1973, с. 238)), В. Мануйлова «Баку» (1924-1925) («Я любил тебя, ветрокрылый (1984, с. 23)). Также с целью отражения климатического своеобразия Азербайджана поэтами неоднократно упоминается особо жаркая погода, передаваемая лексемой «зной».

Поэтическое наследие Есенина демонстрирует его мастерство погружения в инокультурную реальность. Стремление постичь тайну восточных просторов насквозь пронизывает и стихотворение «Прощай, Баку» (1925). Лирические герои Есенина и Маяковского несколько схожи своим желанием приобщиться к иной национальной культуре. И если лирический субъект Маяковского говорит о сердечной тяге к Баку, то есенинский герой называет столицу Азербайджана другом и заявляет, что встреча с Баку позволила ему сильнее прочувствовать «простое слово: друг» («Прощай, Баку», 1925) (Есенин, 1995, с. 223). Душевную горечь от предстоящего момента прощания с «синью тюркской» лирический герой Есенина передаёт через использование эмотивной лексики («тоска» и «испуг»), что обусловлено его душевными терзаниями после отъезда на родину. Вероятно, в данном произведении чувствуется проявление лирическим героем черт русского национального характера, а именно христианского смирения: он смиряется с тем фактом, что больше не встретится с Баку. Это смирение обещает ему благодать – иметь тёплые воспоминания о «друге», которого он сохранит в образе золотой розы в собственном потаённом «сиреневом саду».

Азербайджан, таким образом, воспринимался русскими поэтами как часть персидской культуры. При этом Персия оказывалась весьма привлекательным вдохновляющим пространством для находящихся в постоянном творческом поиске авторов начала XX столетия своей одухотворённой самобытной атмосферой (впитавшей особую мистическую философию и символизм), своими традициями и наследием восточных авторов. Этот факт отчётливо проявляется и в произведениях других поэтов. В частности, о родстве Азербайджана с Персией говорит лирический субъект стихотворения В. Брюсова «В Баку» (1916). Он упоминает Иран, называя его «праотцом мира» и характеризуя эпитетом «дивный» (Привет тебе, дальний и дивный Иран, // Ты, праотец мира, // Где некогда шли спарапеты армян // За знаменем Кира…) («В Баку», 1916) (Брюсов, 1973, с. 243). Примечательно, что в стихотворении Брюсова «В Баку» упоминаются горячие персидские предгория, являющиеся источником тепла (в противопоставление северным азербайджанским ветрам) для старика-Каспия. Здесь также подчёркивается особое тяготение к персидскому пространству как к чему-то очень родному для Каспийского моря, которое потеряло свой былой уютный дом. В произведении Д. Бродского также говорится о том, что выезд за пределы бакинских нефтедобывающих площадей символизирует начало «входа в персидский зияющий зной». Иными словами, промышленный город Баку со всеми его «гниющими низинами» не сравнится с поистине персидской экзотической стороной. Свою мистическую таинственность город теряет из-за масштабного нефтедобывающего промысла, делающего город кипящим «зелёною кровью».

Такое же томительное ожидание новой встречи с Баку, как и у С. Есенина, испытывает лирический герой В. Мануйлова в стихотворении «Баку» (1924-1925). Уже с первых строк читатель погружается в двойственную по характеру атмосферу кавказского города. Лирический герой в одной строке использует эпитеты «милый» и «суровый», чем иллюстрирует одновременно и собственное отношение к Баку, как к чему-то очень близкому, и суровость столицы как места, где люди активно работают на благо нефтедобывающей отрасли. Это в большей мере подчёркивается в следующей строке произведения: «<…> Ты мне нужен, как солнце, как хлеб, // Я любил бы тебя, ветрокрылый, // Даже если б навеки ослеп» («Баку», 1924-1925) (Мануйлов, 1984, с. 23). Использование сравнения с солнцем и хлебом как с жизненно важными потребностями человечества объективирует выражение лирическим героем истинного восхищения городом, что и происходит в последующем лирическом повествовании. Здесь автором используются эпитеты (например, «фантастический» город). Но главной отличительной особенностью рассматриваемого произведения становится его образное наполнение лексикой, имеющей семантику звука: это и голоса восточного базара («На базарах весь день говорливых <…> (Мануйлов, 1984, с. 24)), и звучание бубенцов на караванах («Ровным звоном звенят караваны // В Шемаху уходящих купцов» (Мануйлов, 1984, с. 24)), и звуки игры на бубне певца в чайхане («<…> В чайхане, в буйный бубен стуча, // Льётся песня, грустя в переливах, // И тоскует ей вслед кеманча» (Мануйлов, 1984, с. 23)), и звон, исходящий от грузов кораблей: «<…> И в порту перезвоном любимым // Пляшут склянками корабли» (Мануйлов, 1984, с. 23)). Поэтому город в представлении лирического героя В. Мануйлова живёт и по-настоящему кипит, окутанный музыкой, звоном и голосами жителей. Однако присутствует в данном стихотворении и упоминание о Баку как рабочем городе. Например, при передаче общего городского пейзажа автором используются эпитеты «дымнокудрый и рыжий» для характеристики заката, развёрнутая метафора фабричной индустрии «певучее горло из песчаника и кирпича», в которой также содержится косвенное указание на певучесть и музыкальность атмосферы Баку. И бакинцы показаны в произведении в двух ипостасях – как купцы, что уходят с караванами в Шемаху, и как рабочие: «Над потоком рабочего люда // Голоса, голоса, голоса» (Мануйлов, 1984, с. 24).

Следует отметить, что в творческом наследии В. Мануйлова, который непосредственно жил и работал в Азербайджане, занимаясь переводами, есть стихотворение, которое призвано показать Баку с иной стороны. Утренний

город изображается как по-восточному медлительное пространство, когда он ещё не проснулся и не начал «кипеть». Примером этому может послужить стихотворение «Утром». Оно начинается с описания утреннего порта, где волны, не потревоженные людской рабочей деятельностью, ещё затихающие, «ластятся лениво» к отдыхающим в порту лодкам. Первым проявлением звука, символом пробуждения городской жизни становится возглас муллы с минарета мечети.

Концептуально важными для настоящей статьи оказываются ещё два произведения В. Мануйлова «К Баку» (1924) и «По улицам» (1922), поскольку в них отражается авторская концепция понимания категории «свой/чужой». Как уже упоминалось, В. Мануйлова связывала с Азербайджаном профессиональная деятельность, однако и Москва оказывалась значимым пространством его жизни. Соприкосновение с чужой культурой (которое, как указывается в стихотворении «К Баку», длилось три года) подтолкнуло поэта к созданию произведения, в котором образ российского города противопоставлен образу кавказского пространства. Начало данного стихотворения вновь посвящено выражению истиной любви к Баку, переданной посредством эпитетов («любимый», «милый», «родной»). И это признание в тёплых чувствах прерывается появлением образа Москвы, антитетичного образу Кавказа. Кружевные мечети древнего Баку контрастируют со столицей России, которая забывает «плен старины» (Мануйлов, 1984, с. 35). Лирический субъект признаётся, что душой он возвращается к атмосфере кавказского пространства. И вновь его воспоминания окутаны звуками: «<…> В лабиринтах её переулков // Слышу зовы далёкой зурны» (Мануйлов, 1984, с. 35) и характерными цветами природы и архитектуры Азербайджана: «В клетке быстро летящего лифта // Вспоминаю лазоревый Зых // И узоры арабского шрифта // Минаретов твоих голубых» (Мануйлов, 1984, с. 35). Примечательно, что и в своих снах лирический герой возвращается к «смуглому Востоку». Он признаётся, что его «сердце рвётся к верблюжьему раю» (Мануйлов, 1984, с. 35). Тогда как двумя годами ранее (в августе 1922 года) в стихотворении «По улицам» В. Мануйлов вкладывал в уста своего лирического героя слова, транслирующие некоторое сомнение в возможном душевном единении с Баку. В то время город казался ему незнакомым, речь – чужеродной, а особенности национальной, религиозно детерминированной культуры (в частности, закрытые одежды мусульманских женщин) вызывали в его сознании некоторое удивление, что, собственно, и передаёт процесс постижения Иного пространства. В изображении восточной красавицы, одетой в чадру, лирический герой в рассматриваемом стихотворении В. Мануйлова оказывается схож с лирическим героем С. Есенина из цикла «Персидские мотивы». В произведении «Улеглась моя былая рана…» у новокрестьянского поэта присутствует описание таинственной незнакомки, облачённой в закрытые одежды. Примечательно, что такая чуждая и непонятная лирическому герою традиция женщин Востока (и Кавказа в том числе) скрывать свою красоту от мужчин оставляет для лирических субъектов единственную возможность насладиться редкой привлекательностью восточных красавиц – заглянуть им в глаза. Об этом говорит и есенинский лирический герой в «Персидских мотивах»: «Незадаром мне мигнули очи, // Приоткинув чёрную чадру…» («Улеглась моя былая рана…», 1924) (Есенин, 1995, с. 248). Об этом же свидетельствуют и слова лирического субъекта стихотворения В. Мануйлова «По улицам»: «Порой из-под чадры лиловой // Лукавый улыбнётся взгляд, // И снова спрячется, и снова // Глаза насмешливо манят» (Мануйлов, 1984, с. 29).

В стихотворении В. Мануйлова читатель вновь встречается с воссозданием двойственного характера Баку: параллельно автором отмечается и трудовое индустриальное кипение города, и его традиционная, более медлительная и размеренная, жизнь. Символом нового времени становится в произведении образ грузовиков, сопровождающихся в тексте характеристикой «быстрые». Символом прошлого, овеянного традиционным укладом жизни, в стихотворении выступает образ арбы – специфической повозки для перевозки грузов. Быстрота технологически совершенных грузовиков контрастирует с медлительностью повозок. Лирический герой передаёт это противопоставление эпитетом «понурые» и использованием глагола «бредут» для характеристики образа ослов, гружённых товарами. Указанные лексические средства подчёркивают размеренность жизни прошлого Баку: «За быстрыми грузовиками // Медлительно скрипят арбы. // А сбоку, ближе к тротуарам <…> Не разберёшь, с каким товаром // Бредут понурые ослы» («По улицам», 1922) (Мануйлов, 1984, с. 29).

Поэтическое наследие критика и литературоведа В. Мануйлова, посвящённое описанию Баку и выражающее ностальгию по Кавказу, по справедливому выражению Р. Г. Багирова, может рассматриваться как «единый опус» (Багиров, 2009, с. 140). Иными словами, стихотворения рассматриваемого автора об Азербайджане могут быть названы лирическим единством, которое поддерживается общностью мотивно-образной системы и явно переданной эволюцией индивидуально-авторских представлений об объекте лирического описания (от чужеродного Баку до родного и любимого города).

В свою очередь, С. М. Городецкий наиболее ярко раскрыл в своих стихотворениях об Азербайджане тему индустриализации и непосильного людского труда в тяжелейших условиях рабочих будней. Именно в произведениях этого автора отчётливо виден образ Баку как места, где «никто не селится для веселья» (Маяковский, 1957, с. 57). С первых же строк стихотворения «Зых» (1920) лирический повествователь входит в ужасающую обстановку, которая напоминает тюрьму, куда даже через окна не проникает солнечный свет.

Лирический герой Городецкого говорит о том, что данное место «ужаснее Дантова ада» (1974, с. 448). И среди этого ада он встречает образы ползающих детей и исхудалой матери: «И ползают дети. А воздух тяжел. // И окна не к солнцу, а к стенам и тьме. // В лохмотьях сидит исхудалая мать <…>» («Зых», 1920) (Городецкий, 1974, с. 448). Примечательно, что в отличие от описания Баку как города, наполненного звуками и голосами (например, в произведении В. Мануйлова «Баку»), в этом районе столицы Азербайджана царит тишина, которую нарушает лишь звук работы фабрики: «Среди неподвижной глухой тишины // Лишь с фабрики слышен машины напев, // Как будто там стонет закованный лев» (Городецкий, 1974, с. 448). Здесь заметим, что в творчестве

С. Городецкого, которое призвано отразить постижение иного пространства, лирический герой зачастую обращается к бедственному положению людей, всегда выражая к ним сочувствие и искреннюю веру в лучший исход (в частности, в цикле «Ангел Армении», посвящённом событиям геноцида армян во время Первой мировой войны). Так и в стихотворении «Зых» лирический субъект погружается в сон, по его словам, «с горя». И в своих мечтаниях он видит вместо «угрюмых камер» раскидистые сады и просторные дома, что будут делом самой природы: «Раздвинулись стены. Раскинулся сад. // Просторные, светлые стали дома. // Как будто природа решила сама // Построить в мгновенье невиданный град» (Городецкий, 1974, с. 449). Вера в скорое торжество природы-создательницы звучит в заключительных строках произведения: «Мы скоро проснемся. И все как один!» (Городецкий, 1974, с. 449). Обновление предвещает и смена звукового наполнения произведения: если в начале фабрика ревела как «закованный лев», то теперь её гул лирический герой называет радостным. Этот мотив становится символом неизбежного возрождения и воцарения природной красоты на территории Зыха. Ею восхищается и лирический герой Вяч. Иванова в одноимённом произведении (1921). На территории Зыха он встречает и «солнцем пахнущие травы», и «возгорий плоских главы» (Иванов, 1979, с. 504).

Образы истощённых и бледных рабочих фигурируют и в стихотворении С. Городецкого «Сабунчи» (1919). Здесь лирический субъект вновь сталкивается с бедствиями людей, трудящихся в нефтяной промышленности. В произведении видна авторская ассоциация труда в Сабунчи с рабством, приносящим людям болезни и невзгоды: «У женщин вся молодость в стонах // Погасла, весны не узнав, // Писать на старинных иконах // С них мучениц мог бы заграф» («Сабунчи», 1919) (Городецкий, 1974, с. 341). Лирический герой сожалеет о том, что люди кладут всё самое ценное (в частности, здоровье) на алтарь добычи природных ресурсов. Для выражения этого чувства автором используются приёмы риторического вопроса и риторического обращения к рабочим, которые представляются как настоящие рабы, лишённые истиной жизни: «Когда же земное богатство // Достанется истым живым // И ветер свободы и братства // Разгонит удушливый дым?» (Городецкий, 1974, с. 341). Несомненно, помимо романтизации кавказских просторов, трактовка образа Азербайджана в стихотворении С. М. Городецкого мотивирована в том числе и социалистическим пафосом, что выражено в заключительных словах процитированного отрывка. Октябрьская революция, вселявшая надежду на воцарение «свободы и братства», мыслится лирическим героем «Зыха» в качестве спасительницы азербайджанских рабочих от непосильных условий труда.

Соответственно, мифотворчество поэтов начала XX века об Азербайджане строится вокруг двух основных направлений в его освоении: идеологическом и эстетическом. Стихотворения, созданные до периода утверждения Советской власти и процесса вхождения Азербайджана в состав СССР как союзной республики, лишены социального пафоса. В то же время мотив тотальной индустриализации, выступая символом современности, становится ведущим в произведениях, написанных в годы зарождения советской литературы, главной задачей которой было утверждение новой государственной идеологии.

Заключение

В силу ряда причин в русском литературном процессе не сформировалось представление о функционировании в произведениях поэтов Серебряного века азербайджанского локального текста, однако именно в этот период своего становления ориентализм и расширение географического пространства для художественного воплощения в слове становились центральными творческими доминантами авторов.

Отметим общие черты, отображённые в творчестве рассматриваемых художников слова в восприятии иного пространства в стихотворениях об Азербайджане и о Баку. Во-первых, поэтов объединяет видение кавказского пространства как места, где соединяется таинственная и оттого манящая Персия, самобытный медлительный, но громко торгующий на базарах Восток и крупный промышленный центр. Во-вторых, в сознании поэтов столица Азербайджана – это место, наполненное звуками. В-третьих, для создания его целостного образа поэтами начала XX века в стихотворениях представляются образы гор, рек, отражаются особенности рельефа (неслучайно в произведениях рассматриваемых авторов частотно использование топонимов). В-четвёртых, характер локального сверхтекста подчёркивается стремлением многих авторов погрузиться в загадочное, но исторически обусловленное развитие народа, который имеет иранские корни, но говорит на тюркском наречии. Это стремление позволяет поэтам постигать иное пространство. Однако «отзеркаливание» собственной культуры через призму кавказской наиболее отчётливо представлено лишь в стихотворениях В. Мануйлова.

Механизм индивидуально-авторского мифотворчества зависит как от эстетики конкретного автора, так и от биографических закономерностей, приведших к знакомству рассматриваемых поэтов с Баку и Азербайджаном. Кроме того, на характер мотивно-образной системы и отбор лексического содержания произведений повлиял и политический фактор: стихотворения, созданные до начала Октябрьской революции во многом ориентированы не на отображение индустриализации, технологического прогресса и непосильного человеческого труда. В большей мере в них выражено отношение к Баку и к Азербайджану как к восточному таинственному пространству. Тогда как в стихотворениях В. Маяковского и С. Городецкого уже отчётливо звучит социальный пафос. Следовательно, взаимодействие универсальных представлений об Азербайджане, характерных для поэтов начала XX века, и их индивидуально-авторских образов, запечатлевших этот кавказский регион, и обеспечивает формирование в указанный период азербайджанского локального сверхтекста.

Перспективы дальнейших исследований по теме связываются с расширением материалов для литературоведческого анализа за счёт включения в их рамки художественных прозаических и публицистических произведений, а также писем и воспоминаний авторов Серебряного века, где раскрывается тематика освоения азербайджанской культуры.

Материалы исследования | Research materials

1. Бродский Д. Г. Баку // Наш Баку. История Баку и бакинцев. https://ourbaku.com/index.php/Д.Бродский_"Баку"
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 2. Стихотворения 1909-1917 гг.
3. Городецкий С. М. Стихотворения и поэмы / подгот. текста и примеч. Е. И. Прохорова. Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1974.
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев; сост. и коммент. А. А. Козловский. М.: Наука; Голос. 1995. Т. 1. Стихотворения.
5. Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3.
6. Мануйлов В. А. Стихи разных лет: 1921-1983. Л.: Советский писатель, 1984.
7. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / подгот. текста и примеч. П. И. Агеева, Ф. И. Пицкель. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 5. Март – декабрь 1923. Реклама (1923-1925).

Источники | References

1. Алиев Н. Н. Азербайджанско-русские литературные связи: социокультурные факторы и взаимообогащение литератур // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-102-110
2. Багиров Р. Г. Баку в поэзии Павла Антокольского // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2 (46).
3. Багиров Р. Г. Баку в стихотворениях лермонтоведа В. А. Мануйлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12.
4. Карасик В. И. Самовыражение через иную культуру: армянский текст в русской поэзии // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 4 (47).
5. Керимова С. А. Русско-азербайджанские литературные связи в XX столетии: Россия и Восток // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 657.
6. Кшондзер М. К. Грузинский текст в контексте поэзии Бориса Пастернака (на материале цикла «Волны») // Восток – Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре: сборник научных статей к 70-летию профессора А. Х. Гольденберга (Волгоград, 27-28 ноября 2018 г.) / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2019.
7. Павлова Л. В., Романова И. В. На пути к изучению Армянского текста русской поэзии (вместо предисловия) // Смоленский филологический сборник. 2023. № 15-2.
8. Потапова Е. В. Локальный «грузинский» текст в творчестве М. Ю. Лермонтова: аспекты культурной антропологии // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: материалы международной конференции (Екатеринбург, 26 марта 2020 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020.
9. Тропкина Н. Е., Пономарева Н. Е. Проблема идентификации локального текста // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 10 (70). https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.13
10. Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.10

Информация об авторах | Author information

RU

Алексеева Анастасия Андреевна[1], к. филол. н.
[1] Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, г. Кострома

EN

Anastasia Andreevna Alekseeva[1], PhD
[1] Nuclear Biological Chemical Defence Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko, Kostroma

[1] *alekseeva.a.anastasia@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.11.2026; опубликовано online (published online): 20.11.2026.

Ключевые слова (keywords): имагопоэтика; кавказский текст; локальный текст; поэтическое мифотворчество; образ Азербайджана; imagopoetics; Caucasian text; local text; poetic myth-making; image of Azerbaijan.